

Юрий Цветков,
ИГУ, Иваново

**«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ» ДАНТЕ И «ДУХLESS»
С. МИНАЕВА: ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ ПОСРЕДНИКА**

Сложный и драматичный мир поэмы Данте Алигьери (1265–1321) «Божественная комедия» (1307–1321) притягивал к себе самых разных писателей, общественных деятелей и ученых. В их восприятии Данте был смелым гражданином Флоренции, певцом справедливости, загадочным мистиком, мудрым мыслителем и непревзойденным поэтом. Свободу творческой силы Данте и органическое сочетание поэзии и религии наиболее полно распознали западноевропейские и русские романтики. Например, Ф.В. Шеллинг (1775–1854), близкий к йенским романтикам и провозгласивший искусство высшей формой постижения мира, писал в «Философии искусства» (1802–1805), что Данте – творец вечных мифов, а его поэма, «взятая всесторонне, не есть отдельное произведение одной своеобразной эпохи, одной особой ступени культуры, но есть нечто значительное, что обуславливает её общезначимость, которую поэма соединяет с абсолютнейшей индивидуальностью, обуславливается её универсальным характером... обуславливается в конце концов формой, которая представляет собой не специальный, но общий тип созерцания универсума» [9, с. 106].

Не случайно, что молодой и всесторонне образованный швейцарский писатель Кристиан Крахт (род. 1966), создавая свой первый роман «Faserland» (1995), сознательно заимствует у Данте «общий тип созерцания универсума», понимая под ним хорошо знакомую реальность Швейцарии и Германии. Крахта справедливо считают одним из первых и ярких представителей так называемого молодого «поколения гольф», заявившего себя в середине 90-х годов в немецкоязычных странах. Бунтующее поколение Крахта генетически восходит к известным в США и Европе движениям поп-литературы: «В их стихах и прозе речь шла о хаосе повседневного существования, о механизации в «массовом обществе» не только быта, но и сознания, чувств, о бездуховности, о засилье стандартов, убожестве идеалов и лицемерии официально провозглашенных принципов» [4, с. 193].

Роман «Faserland» Крахта – первый постмодернистский роман Крахта с широкими интертекстуальными связями, в которых угадываются аллюзии и литературные параллели с Т. Манном, Э. Юнгером, С. Беккетом и, прежде всего, с Данте Алигьери. За хаотично меняющимися фрагментами путешествия «я»-рассказчика по Германии и Швейцарии угадывается композиционная стройность

романа, во многом заимствованная автором из «Божественной комедии» Данте. Критик Т. Баскакова указала на интертекстуальные параллели романа Крахта с произведением Данте. По её мнению, восемь эпизодов романа *«выстроены в том же порядке»*, что и у Данте: «преддверие ада – остров Зильт, охарактеризованный в «Faserland» как нечто среднее между Германией и Англией; первый круг (отверженные) и второй круг (вождедеющие) – портовый город Гамбург с его проститутками всяческим сбродом; третий круг (обжоры) – самолет компании «Люфтганза»; четвертый круг (скупцы и расточители) – Франкфурт, банковский центр ФРГ; пятый круг (несдержанность, злоба, буйное скотство) – город Гейдельберг, город студентов и интеллектуальной элиты; шестой круг (ересиархи и еретики) – поляна рейвов под Мюнхеном, устраивают свои сборища неформалы; седьмой круг (насильники) – Мюнхен, где рассказчик встречается с неонацистом Уве Копфом; восьмой круг (льстецы и дурные советчики) и девятый круг (предатели) – имение миллионера, отца Ролло, на Боденском озере» [2, с. 235].

Основной лейтмотив романа – неприятие порочного современного мира молодым поколением – стал следствием влияния индустрии бездуховности на сознание безымянного героя-рассказчика. Он страдает в мире, который «до тошноты» ему не нравится, поскольку подчинен стереотипам массового потребления: рекламе, брэндам, заслоняющим подлинную реальность, и гляцевым журналам, уничтожающим «идеальную любовь». Причем бездуховность безлична, современное общество превратилось в «волоконную страну» – так можно перевести название романа на русский язык. Безымянный рассказчик, как и большинство героев в романе, имеют самый высокий социальный статус в обществе. Они легко передвигаются по миру, время их жизни – непрекращающийся досуг. Они – своеобразные рантье, предельно пресыщенные «нормальным» течением жизни.

Так, у друга рассказчика – Ролло – родители – «натуральные хиппи», пресытившиеся жизнью: «Такое нередко случается с очень богатыми людьми: им вдруг приходит в голову притусоваться к хиппарям. Наверное, это объясняется тем, что все другое в жизни они уже видели и испытали и могут купить что угодно, но потом внезапно обнаруживают в себе пугающую пустоту, которую можно заполнить только одним способом, внутренне отказавшись от бессмысленного разбазаривания денег, – хотя естественно, даже приняв такое решение, они продолжают интенсивно и в большом количестве разбазаривать свои деньги» [5, с. 179]. Рассказчик в последний раз видит плачущим своего друга Ролло на берегу озера. В девятом круге «Ада» Данте есть примечательные терцины:

Мы оказались в преисподней мгле
У ног гиганта, на равнине гладкой,
И я дивился шедшей вверх скале,

Как вдруг услышал крик: «Шагай с оглядкой!
Ведь ты почти что на головы нам,
Злосчастливым братьям, наступаешь пяткой!»

Я увидел, взглянув по сторонам,
Что подо мною озеро, от стужи
Подобное стеклу, а не волнам

В разгар зимы не облечен снаружи
Таким покровом в Австрии Дунай,
И дальний Танаис твердеет хуже;

Когда бы Тамбернику невзначай
Иль Пьетрапане дать сюда свалиться,
У озера не хрустнул бы и край [3, с. 211].

Если учесть, что ледяное озеро Коцит (в переводе с греческого – плач) находится на дне колодца, охраняемого гигантами, и в нем караются и казнятся предатели родных (в том числе братоубийца Каин), то становится понятна вся степень вины родителей Ролло по отношению к своему сыну. Жертвы по шею погружены в лед, их лица обращены книзу. К тому же у Данте есть важная для Крахта отсылка к Австрии на Дунае и к Танаису – греческому названию реки Дон [6, с. 589].

Герой романа Крахта встречается с друзьями, развлекается на вечеринках, употребляет алкоголь и наркотики. Но ему надоедают однообразные тусовочные развлечения, он хочет сбежать в другой город, где, вероятно, можно найти иной образ жизни. Перемещаясь по Германии, он приходит к выводу, что его ждет одно и то же, поскольку переезды бесцельны: «Потому что это клёво – мотаться по захолустным местам, где тебя абсолютно никто не знает. И никто даже не догадывается, чего, собственно, тебе там надо. Это никакой не туризм. И не деловые поездки. Потому что не существует разумных причин, чтобы летать в страны третьего мира, – если, конечно, ты не занят делом, которое, как таковое уже давным-давно превратилось в анахронизм: праздношатанием» [5, с. 196].

Последняя «швейцарская глава «Faserland» соответствует, скорее всего, странствиям Данте по чистилищу: «В «Божественной комедии» путь через чистилище, от долины земных властителей до вершины горы, занимает время одного дня, от восхода солнца до темноты. События восьмой главы «Faserland» укладываются в такой

же промежуток и заканчиваются встречей героя с таинственным перевозчиком на берегу Цюрихского озера (Леты?)» [2, с. 235]. Финальные предложения романа создают открытую и оптимистическую концовку романа: «Я спускаюсь в лодку и сажусь на деревянную скамью, а он (лодочник) вставляет весла в такие металлические фиговины, не знаю, как они называются, и отчаливает. Скоро мы будем на середине озера. Уже скоро» [5, с. 231].

Размышления рассказчика о тупике современного общества потребления на Западе не заслоняют ситуацию на Востоке, который мог бы стать спасительным ориентиром в мире духовной пустоты: «На Востоке ... люди там терпеливее, невозмутимее и вообще симпатичнее, чем у нас. Может быть, Восток заполонит Запад своей невозмутимостью и своими тренировочными костюмами. В таком исходе было бы нечто утешительное, думаю я, действительно нечто утешительное, потому что одетый в лиловое нелепый ост-менш мне в миллион раз милее, чем какой-нибудь наглухо отгородившийся от внешнего мира западный неврастеник, с чавканьем пожирающий за столиком в торговом зале своих любимых устриц. А огромные массы немывтого народа с Востока – из Молдавии, с Украины, из Белоруссии – непременно хлынут к нам. В этом я уверен» [5, с. 151].

В одной из своих публикаций российский писатель Сергей Минаев (род. 1975) привел вышеуказанную цитату из романа Крахта [7]. В ней кроется провокационная для российского автора мысль, является ли Восток спасительным началом для западного мира потребления? Ответ на этот вопрос содержится в дебютном романе «Dухless: Повесть о ненастоящем человеке» (2006). Ответ Минаева подчеркнуто отрицательный. В той же публикации Минаев пишет: «Лучшим сынам отечества очень скучно, но вместо того чтобы размышлять о том, как устроить сосуществование двух абсолютно полярных миров, они предпочитают заигрывать с левацкими идеями и ждать романтического прихода немывтых народных масс Востока. Крахт в данном случае говорит не об арабском Востоке, а об СНГ. Но наши бывшие сограждане в будущем проявят себя в Европе не хуже арабов. В этом я, как и Крахт, уверен» [8].

Роман «Dухless» – это тоже рассказ о жизни молодого поколения в России, в полной мере вкусившего рыночной экономики, западной культуры, свободы и вседозволенности, но не достигнувшего уровня «поколения гольф» в силу особенностей начального этапа капиталистического накопления. Как и у Крахта, – это безымянный герой романа. Он – исключение среди сокурсников и единственный, кто принадлежит к «сливкам нашего общества», а другие «как выясняется, оказались по жизни лузерами, алкоголиками

и наркоманами, и то, что они ещё не умерли все разом, а продолжают влачить свое жалкое... состояние – лишь дело времени» [7].

Следует подчеркнуть, что Сергей Минаев по образованию – историк, специалист по российской истории новейшего времени. Основным его занятием является конкретный бизнес – импорт элитного алкоголя в Россию. Он – создатель киносценариев, постоянный автор журнала «Playboy», «Буржуазного журнала», программ в эфире «Русской службы новостей» и российских телеканалов. В одном из интервью с Минаевым прозвучала мысль, что в его первом романе немало общего с романом Ф. Бегбедера «99 франков». Однако Минаев не согласился с этим мнением: «Но мой «Духлес» инспирирован был ... немцем Кристианом Крахтом и его книгой «Фазерленд» [1, с. 7]. В 2007 году Минаев открыл собственное издательство «Литпром», в котором вышел в свет русский перевод романа Крахта «Я буду здесь, на солнце и в тени».

Первый роман Минаева далек от интеллектуальной глубины постмодернистского произведения Крахта. Однако бездуховность героя и его потребительские интересы становятся объектами саморефлексии героя. Сюжетная канва во многом автобиографического романа Минаева «Духless» представляет собой воспроизведение провального этапа жизни российского бизнесмена-неудачника. «Я»-рассказчик является «коммерческим директором» в московском представительстве французской компании, торгующей консервами: «от кукурузы до зеленого горошка».

В отличие от романа «Faserland» герой сам нелегко зарабатывает на жизнь, но он в не меньшей степени – «прожигатель жизни». От однообразия работы он находит спасение в ночных клубах, употребляет наркотики, алкоголь и впадает «в традиционное для себя состояние пустоты, когда вечер завершен, тебе снова жутко скучно и единственным желанием остается, чтобы твой собеседник молчал». Он устал работать «на дядю», брать кредиты в «бандитских банках» и поэтому соглашается на предложение знакомого бизнесмена, «клубного промоутера», «отчаянного хулигана» Миши стать совладельцем нового строящегося клуба. Герой посвятил Мишу в свои дела, рассказал ему «о работе, своих перманентных телках, наркотиках, московских клубах, потере духовных ориентиров, тоске и безделье», пожаловался ему «на вечную тоску, мертвость окружающих, их лицемерие и пошлость», рассказал «про то, как я устал от пустых девиц и друзей на один вечер. От всей этой тусовки».

Герой вкладывает в Мишин проект все свои сбережения и привлекает к проекту друга Вадима, так как собственных денег не хватает. Однако в день открытия клуба выясняется, что друзей кинули: Миша исчез со всем «баблом». Товарищи по-волчьи

перегрызаются между собой. В финале произведения он, как и герой романа «Faserland», едет за город, смотрит с моста в воду и думает, не покончить ли жизнь самоубийством. Общество потребления, денег и гламура становится причиной всепоглощающей бездуховности, которая шаг за шагом разрушает его изнутри: «здесь каждый живет в склепе, построенном собственноручно. Каждый сам выбирает себе героев и является начальником. А все склепы и герои одинаковы для всех, потому что у мумий не может быть по-другому. Мумии объединены общим космосом. Общей религией. Имя ей – БЕЗДУХОВНОСТЬ. Воистину, мы все здесь БЕДНЫЕ ДУХОМ».

Поэтому такое значение приобретает в романе Минаева открытый «крахтовский», первоначально «дантовский» финал. Герою стало обидно не потому, что они потеряли деньги, а потому, что «еще обиднее потерять человека, некогда считавшегося твоим другом и распадающегося сейчас на твоих глазах в гнилое мясо». Кара за предательство самого близкого человека соответствует девятому кругу ада Данте. Полный отчаяния рассказчик выходит к берегу реки, поднимается на мост и подводит итоги своей жизни: «Я, вероятно, единственный человек на земле, который, получив возможность реализации любого желания, готов отдать магический «цветик-семицветик» другому. Безграничная щедрость, порожденная безграничной же пустотой и полной атрофией воображения... Богатый возможностями и бедный духом...». Название книги Минаева символично. Словосочетание «Dухless» можно перевести как «бездушие», символ современного общества потребления в России.

В сознании героя проносятся все значимые эпизоды жизни, предваряющие открытый финал романа: «Через некоторое время по моим векам начинают бегать оранжевые тени, подобные тем, которые возникают, когда поднимаешь закрытые глаза к солнцу. Может быть, это зажигалка, а может быть, это действительно солнце начинает вставать где-то там, далеко, за лесом. В любом случае мне почему-то очень хочется верить, что этот огонь никогда не погаснет...». Подзаголовок романа – «Повесть о ненастоящем человеке» перефразирует название книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1946). Несомненно, это свидетельство смены ценностных ориентиров и духовное оскудение неудачного бизнесмена и его бизнес-сообщества. Следуя «общему типу созерцания универсума» Данте и Крахта, С. Минаев невольно усваивает и передает в своем романе код художественных текстов Данте и Минаева. Наиболее значимая часть романа Минаева – открытый финал – приобретает под влиянием Данте глубину размышлений о месте человека в современном мире.

Литература

1. Балужева А. Сергей Минаев: «И она перетянула жгут...» / А. Балужева // Комсомольская правда. – 2010. – 20 апр. – С. 7.
2. Баскакова Т. Послесловие переводчика / Т. Баскакова // Крахт К. Faserland. – М.: Ад Маргинем, 2001. – С. 232–237.
3. Данте Алигьери. Божественная комедия / Данте Алигьери; пер. М. Лозинского // Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия. – М.: Худож. лит., 1967. – С. 75–524.
4. Зверев А. М. Модернизм в литературе США: формирование, эволюция, кризис / А. М. Зверев. – М.: Наука, 1979. – 318 с.
5. Крахт К. Faserland / К. Крахт; пер. с нем. Т. Баскаковой. – М.: Ад Маргинем, 2001. – 238 с.
6. Лозинский М. Л. Примечания / М. Л. Лозинский // Новая жизнь. Божественная комедия / Данте Алигьери. – М.: Худож. лит., 1967. – С. 545–674.
7. Минаев С. «Dухless: Повесть о ненастоящем человеке» / С. Минаев // Книгоноша [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.knigonosha.net>. – Дата доступа: 01.09.2011.
8. Минаев С. Убийственная тоска / С. Минаев // Взгляд. Деловая газета [Электронный ресурс]. – 2005. – 9 ноября. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/columns/2005/11/9/12112.html>. – Дата доступа: 15.09.2012.
9. Шеллинг Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.